

УДК: [94(470)''1916/1921'':339.9](045)
DOI 10.37482/issn2221-2698.2020.40.122

Внешнеторговые эксперименты в Архангельской губернии (1916–1921 гг.): исторический опыт выживания в условиях санкций *

© ТРОШИНА Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, профессор

E-mail: tatr-arh@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия;
Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье на историческом материале представлен региональный опыт поиска собственной модели экономического развития на примере стремления Архангельской губернии избавиться от образа «сырьевой провинции» в обстоятельствах усиления значения региона для государства. Рассмотрен короткий по историческим меркам период военно-революционной эпохи и раннего нэпа, когда в условиях бездействия других российских портов, внешнеполитических санкций и «торговой блокады» экономически активная общественность Архангельска стремилась максимально диверсифицировать хозяйственную жизнь региона, избрав иной вектор дальнейшего развития. Показаны формы реагирования на вызовы эпохи, заставляющие искать новые пути для решения этой задачи. Отмечается стремление найти для Архангельской губернии свой путь в рамках единого государства, а объединение тяготеющих к беломорским портам европейских, уральских и сибирских территорий рассматривать в плане только экономического межрегионального сотрудничества.

Из всего разнообразия проектов развития для рассмотрения избран внешнеторговый аспект. На протяжении исследуемого периода менялась общая мотивация планирования внешнеторговой деятельности через Архангельск. В условиях послереволюционной разрухи основным мотиватором становится продовольственное обеспечение населения, что могло вернуть региону значение сырьевого, при этом сделав более зависимым от внешних партнёров. В этих обстоятельствах местная торгово-промышленная общественность была готова отказаться от части своих прав в пользу государственной внешнеторговой монополии. С другой стороны, государство было готово передать часть своих полномочий, чтобы заинтересованные в получении продовольствия и других предметов жизнеобеспечения местные власти обеспечили формирование необходимого «экспортного фонда».

Тем самым проекты на диверсификацию региональной экономики оказались сорваны; в 1920-е гг. губерния сохраняла значение «всероссийской лесопилки»; в период индустриализации промышленное развитие также было связано преимущественно с лесной промышленностью, и такая односторонность развития впоследствии привела к тяжёлому структурному кризису.

Ключевые слова: *Европейский север России, Первая мировая война, Революция 1917 г., Гражданская война, новая экономическая политика, внешнеэкономические и политические санкции, торговая блокада, экономические перспективы, внешнеэкономическая деятельность, Северо-Беломорское областное управление Внешторга.*

Foreign Trade Experiments in the Arkhangelsk Province (1916–1921): Historical Experience of Survival under Sanctions

© Tatyana I. TROSHINA, Doc. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: tatr-arh@mail.ru

* Для цитирования:

Трошина Т.И. Внешнеторговые эксперименты в Архангельской губернии (1916–1921 гг.): исторический опыт выживания в условиях санкций // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 122–141. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.122

For citation:

Troshina T.I. Foreign trade Experiments in the Arkhangelsk Province (1916–1921): Historical Experience of Survival under Sanctions. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 122–141. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.122

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia; Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

Abstract. Based on historical material, the article presents the regional experience of searching for a model of economic development on the example of the Arkhangelsk Province's desire to get rid of the image of a "resource province" in the context of the growing importance of this region for the state. The article considers the period of the military-revolutionary era and the early NEP, which is short by historical standards, when, in the conditions of the inaction of other Russian ports, foreign policy sanctions, and a "trade blockade", the economically active community of Arkhangelsk sought to diversify the economic life of the region as much as possible, choosing a different vector of further development. The author noted the forms of responding to the challenges of the era that forced look for new ways of solving problems. There is a desire to find its way for the Arkhangelsk Province within the framework of a single state, and the unification of the European, Ural, and Siberian territories gravitating towards the White Seaports. These issues should be considered in terms of only economic interregional cooperation.

Among the variety of development projects, the foreign trade aspect was selected for consideration. During the study, the general motivation for planning foreign trade activities through Arkhangelsk changed. In the conditions of post-revolutionary devastation, the main motivator is the food supply of the population, which could return the value of raw materials to the region, while making it more dependent on external partners. In these circumstances, the local commercial and industrial community was ready to give up part of their rights in favor of the state foreign trade monopoly. On the other hand, the state was ready to transfer part of its powers so that local authorities interested in obtaining food and other items of life support ensure the formation of the necessary "export fund". Thus, projects to diversify the regional economy were thwarted; in the 1920s the province retained the significance of the "all-Russia sawmill"; during the period of industrialization, industrial development was also associated mainly with the forest industry, and this one-sided development subsequently led to a severe structural crisis.

Keywords: *European North of Russia, World War I, Revolution of 1917, Civil War, new economic policy, economic and political sanctions, trade blockade, economic prospects, foreign economic activity, Northern Regional Directorate of Foreign Trade.*

Введение и актуальность

Экономисты отмечают «необходимость и полезность знания традиций, сходных тенденций и накопленной практики в экономической истории» [1, Пахомов А.А., с. 90]. Среди актуальных вопросов, имеющих исторические корни, — несбалансированность экспорта и импорта в российских внешнеторговых отношениях [2, Мореева С.Н., с. 21], что является результатом не только экономической отсталости, но и политических проблем.

Обращение к региональному опыту преодоления трудностей, возникающих под влиянием различных внешнеполитических и экономических санкций, блокад и ограничений, усугублённых условиями «смутного времени» (ослаблением государственного аппарата, деморализацией прежних элит и неопытностью новых), обладает не только научной, но и практической актуальностью. Небезынтересно в этом отношении изучить деятельность властей Архангельской губернии (которая в силу природно-климатических обстоятельств нуждалась как в экспорте, так и импорте) в условиях государственной монополии на внешнюю торговлю и экономической блокады со стороны традиционных торговых партнёров. Имеется в виду последний этап Гражданской войны (1920 г.) и начало новой экономической политики (1921–1924 гг.)

Европейский Север России, как и значительная часть непромышленных регионов страны, находились до революции в сильной зависимости от внешнего рынка, поставляя на него сырье различного вида. Беломорские порты в начале XX в. преимущественно использовались для экспорта северных (лес, лён, смола) и сибирских (пшеница) товаров. Такой товарооборот обеспечивал немногочисленное в целом население работой, привозным продовольствием и некоторыми необходимыми для жизнеобеспечения края товарами (важнейшим из которых был уголь). Первая мировая война существенно диверсифицировала экономику края. В силу военных обстоятельств северные порты стали играть важную роль прежде всего для доставки и переправки импортных грузов военного и оборонно-промышленного значения. Экспортные операции в начальный период войны были практически прекращены, а потом допускались только для вывоза казённых товаров, служивших платой за военные поставки.

На протяжении всей войны, и особенно — в период Революции и войны Гражданской, местные предприниматели находились в состоянии турбулентности. Рискам подвергались многие традиционные виды хозяйственной деятельности. Серьёзно пострадало лесопиление; сначала сказался введённый в 1914 г. «мораторий на внешнюю торговлю», а также мобилизация значительной части рабочих. «Бум» работ оборонного значения, который требовал привлечения трудовых ресурсов на постоянной основе и за несравнимо более высокую заработную плату, привёл к оттоку рабочих рук от сезонных видов деятельности (к которым относились заготовка и сплав леса, работа на лесопильных заводах и бирже). В результате сферу лесного экспорта стали прибирать к рукам конкуренты России: не участвовавшая в войне Швеция, затем — получившая независимость Финляндия.

В период Революции добавились дополнительные угрозы потери конкурентоспособности местного производства в связи с ростом себестоимости северной древесины. Под влиянием целого ряда причин, в том числе «падения производительности труда, вызванного большими заработками, с одной стороны, и социальными лозунгами разных оттенков, с другой» [3, Данишевский И.И., с. 5, 6], себестоимость лесных товаров поднялась в 1917 г. по сравнению с довоенной в 15 раз; к этому следует добавить возрастание стоимости фрахта в условиях отказа западных страховых компаний брать на себя ответственность за риски северного мореплавания в военное время.

Короткий в целом период Революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) показал, что в условиях ослабления внутрисоюзных связей рухнет вся система не только внутренней, но и внешней торговли. Лесопильные заводы, нацеленные на экспорт, располагались в Архангельске, куда можно было доставить сплавом лес, а после переработки сразу же загружать на морские транспорты. Значительную часть леса заготавливали в Вологодской губернии. Получив широкие права самоуправления, волостные власти стали запрещать архангельским промышленникам заготовки на своих территориях, требуя уплаты высоких пошлин и привлечения к работам только местного населения. Когда в связи с «кризисом

наличности» в Архангельской губернии начался выпуск собственных денег (чеки местного отделения Госбанка — так называемые «моржовки»), имевших хождение только на территории губернии, возникла неразрешимая проблема расчётов за заготовленный лес с вологодскими крестьянами¹ [подробнее см.: 4, Трошина Т.И.]. В 1918 г. констатировалось «стремление некоторых крупных лесопромышленников к ликвидации своих дел на Севере и затруднение найти покупателей на лесные материалы, которые согласились бы заплатить [им] себестоимость по нынешним расценкам плюс небольшого процента заработка» [3, Данишевский И.И., с. 8]. Переход в августе 1918 г. власти в губернии Временному управлению Северной области ситуацию не изменил, поскольку новому правительству приходилось продолжать политику «заигрывания» с рабочими.

Практически прекратилась во время войны собственная рыбная промышленность, и в создавшихся условиях не было стимулов для её развития. «Иностранная валюта и транспорт сильно вздорожали, но мы всё равно продолжаем покупать рыбу у наших соседей за границу» [3, Данишевский И.И., с. 6], — сокрушался в начале 1918 г. И.И. Данишевский, совладелец «Беломорско-Балтийского» и «Северо-Океанского пароходного» обществ.

Поиски экономических перспектив послевоенного периода

Вместе с тем активная экономическая общественность Архангельской губернии видела и ближайшие перспективы для края: предполагалось, что после войны будет затребован русский лес (увеличение потребности в экспорте оценивалось в 2,5 раза, т.е. до 20–21 млн брёвен в год [5, Гаевский П., с. 9]), при этом Балтийское море из-за происходивших там активных боевых действий ещё долго не станет полностью судоходным. Ожидалось, что в связи с послевоенной разрухой Россия могла оказаться в числе импортёров продовольствия, в том числе рыбы и даже хлеба. Но даже в случае недостатка для собственного населения можно было ожидать и продолжения вывоза пшеницы, поскольку экспортный фонд Урала и Западной Сибири, которым для восстановления промышленности потребуется валюта на закупку машин и станков, в основном состоял из хлебных товаров. Наконец, необходимость платить по накопившимся во время войны долгам заставит государство наращивать импорт сырья, и в первую очередь через северные порты, поскольку «на восемь губерний Северо-востока Европейской России падает 89% лесов..., [имеются] минеральные богатства..., если будут излишки хлеба..., то излишки могут быть только в Сибири, также тяготеющей» к северным портам [6, Данишевский И.И., с. 16, 19].

Вместе с тем у местной общественности, наученной горьким историческим опытом, показывающим, что после окончания опасного для страны периода государство может забыть о северных портах, и Россия вновь возвратится к эксплуатации своих черноморских и балтийских гаваней, были обоснованные опасения послевоенной стагнации. Поэтому активно об-

¹ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1578. Оп. 2. Д. 34. Л. 2 об.

суждались возможные альтернативные варианты экономических и прежде всего внешнеторговых перспектив.

Веские причины для оптимизма были. В 1914–1916 гг. осуществились проекты, о которых многие годы безрезультатно ходатайствовали патриоты Северного края: расширен Архангельский порт, который теперь имел не только экспортную, но и импортную направленность, а благодаря ледокольному флоту и зимнему аванпорту (таковым воспринимался Мурманск) осуществлялась круглогодичная навигация. Существенно была улучшена транспортная инфраструктура: Северная Двина после проведения дноуглубительных работ и освещения фарватера стала судоходной, здесь появился внушительный речной флот (в 1917 г. состоял из 394 буксирных парохода и 1 058 барж общей грузоподъёмностью 440 тыс. т); построена Мурманская и переведена на широкую колею Архангельская железная дорога. Предполагалось, что после окончания войны закупленный для обслуживания военных нужд ледокольный и траловый флот будет передан в аренду или во владение предпринимателям и трудовым артелям, что позволит перейти на новый уровень морского рыболовства и звериного промысла.

Следующей задачей ставилось создание собственного океанского пароходства, чтобы не платить высокие фрахты иностранным перевозчикам, а также организация страховой компании, которая брала бы на себя риски плавания в северных морях. План обложения рублёвым сбором каждого стандарта экспортируемого леса с целью сбора средств на создание собственного торгового флота обсуждался в Архангельске с 1916 г. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1917 г.: крупнейшие местные предприниматели И. и П. Данишевские, Я. Беляевский, Д. Вальнев и другие организовали морское пароходство «Северо-Океан» и учредили акционерное общество «Русский Север» для эксплуатации природных богатств края². Всячески поддерживались планы перенесения в Архангельск эвакуируемых из прифронтовой зоны западных губерний предприятий. Уже запланированная доставка в Архангельск ревельского судостроительного завода «Беккер и К^о» не состоялась в связи с октябрьскими событиями в Петрограде³, и общественность Архангельска требовала от местных властей срочно предпринимать какие-то меры, «так как после войны торговые отношения с границей разрастутся, и нам нужен будет свой флот» [7, Данишевский И.И.] (завод, в конце концов, был вывезен в Новороссийск и действовал там под названиями «Судосталь», «Красный двигатель» и др.)

В условиях войны 1914–1918 гг. расширялись торговые отношения с новыми партнёрами, появились новые виды экспорта и импорта. В августе 1917 г. в Архангельске был открыт Северный Отдел «Русско-американского комитета содействия экономическому сближению России и США» (РуссАмКо); его председателем стал И.И. Данишевский, имевший деловые связи в Америке [8, Рогачев И.В., Силин А.В., с. 52]. Прямые пароходные рейсы между Нью-Йорком и Архангельском, которые стали практиковаться с начала войны, в связи с закрытием

² Архангельск: ежедневная газета. 1916. 27 февр.; 1917. 29 янв., 31 янв.

³ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 11–12. С. 449.

Балтийский и Черноморских портов, давали надежды на приобретение северными портами значения океанских и межконтинентальных.

На государственном уровне также задумывались о послевоенном восстановлении, но предлагали непопулярные в целом среди патриотически настроенной общественности проекты по отводу под иностранные концессии больших лесные площадей. Патриоты Северного края опасались, что передача лесных массивов в концессию иностранцам может привести к усилению экономической зависимости губернии от внешнего капитала (от которого в определённой степени удалось избавиться во время Первой мировой войны, в рамках «борьбы с германским засильем»).

Степень изученности проблемы

Обращаясь к предшествующей и современной историографии, следует отметить, что весь круг поставленных вопросов в той или иной степени находился в центре исследовательского интереса историков, занимающихся изучением восстановительного периода, который начался в 1918 г. и, прерванный Гражданской войной, возобновился в 1920-е гг. Относительно привлечения иностранных инвестиций, более подробно исследовались вопросы концессий в начальный период нэпа; в том числе и северных [9, Киселев А.А.; 10, Санников Л.И.]

Опыт местных внешнеторговых органов, действовавших под контролем Наркомата внешней торговли (НКВТ), отражён в работах самих сотрудников [11, Красин Л.Б.; 12, Красин Л.Б.]. Исследователи в этом аспекте обращают внимание на хищнические интересы потенциальных экономических партнёров Советской России, планировавших решить за её счёт свои послевоенные трудности [13, Катасонов В.Ю., с. 178–207; 14, Трошина Т.И.]. Вопрос восстановления торговых отношений в этих обстоятельствах пришлось решать нестандартными путями. В послереволюционный период Советская Россия находилась под западными санкциями, которые выражались в разных формах. Государственные внешнеторговые отношения в большей степени развивались с восточными и южными соседями [15, Борисова И.Д.; 16, Горешин С.Г.; 17, Дьяченко Н.В.].

На Западе вопросы восстановления внешней торговли с Россией зависели от развития событий на фронтах Гражданской войны. Поскольку «прорыв» объявленной в конце 1919 г. торговой блокады первоначально был связан с допуском на европейский рынок только кооперативных организаций, проблема внешнеторговых отношений периода военного коммунизма и раннего нэпа чаще всего рассматривается в этом ключе [18, Кабалкин Ю.М.; 19, Швиттау Г.Г.; 20, Бородина Е.В.].

В традиционно сырьевых и нацеленных на экспорт районах был свой опыт [21, Валитов А.А., Дмитрищак Т.М.; 22, Комаров С.Ю.; 23, Тимошенко В.П.], который опирался на то, что в дореволюционный период здесь присутствовало сильное влияние иностранных инвестиций и налаженных экономических связей, и их восстановление стало задачей местных органов НКВТ,

в определённой степени, в обход объявленной государством монополии на внешнеторговую и внешнеэкономическую деятельность.

Зарубежные исследователи акцентируют внимание на продовольственной проблеме, возникшей в России под влиянием войны, под давлением которой принимались и политические решения [24, Lih L.T.]. Канадский историк Р.Б. Дэй анализирует дискуссии в советском правительстве в отношении основных направлений отношений с западными государствами [25, Дэй Р.Б.]. Что касается внешнеэкономических связей, то здесь более всего внимание иностранных исследователей привлекают вопросы иностранных концессий. Исследовался, в частности, опыт обмена технологий на сырьё [26, Sutton A.C.] и роль зарубежной помощи в подъёме экономики России и СССР [27, Heywood A.]

Вопросы экспортной торговли через Архангельск в революционный и первый послереволюционный период чаще рассматриваются в аспекте восстановления традиционных торговых связей с Норвегией [28, Исторические связи...; 29, Карелин В.А., Репневский А.В.; 30, Международные отношения...; 31, Порцель А.К.]. Отдельные аспекты деятельности Северо-Беломорского управления НКВТ (затем преобразованного в областное отделение) раскрывает в своей статье В.Н. Булатов [32, Булатов В.Н., с. 124–126].

Вместе с тем в научный оборот не в полной мере введены источники, которые более целостно отражают региональный опыт экономического «выживания» в крайне неблагоприятных как внешних, так и внутренних политических условиях. Это текущая документация различных государственных и региональных органов власти и учреждений; публицистика; отражённая в средствах массовой информации хроника событий; а также — более субъективные источники (эго-документы).

Трудности военного и послевоенного периода и планы по их преодолению

Стремление использовать революционную трансформацию всех сторон жизни и избавиться от внешнеэкономической зависимости сближало предпринимателей и центральную власть (которая трижды менялась за 1916–1918 гг.) Если торгово-промышленный класс видел в национальной ориентации перспективы для своего развития, то власть понимала взаимосвязь между экономической и политической зависимостью (вступление России в Первую мировую войну, трагически для неё закончившуюся, в значительной степени было обусловлено финансовыми обязательствами государства перед союзниками по Антанте). По-разному виделось и решение этой проблемы. Государственная власть, включая «квази-государства» на территории России в период Гражданской войны, стремилась вводить внешнеторговую монополию, предполагавшую участие частных предпринимателей под жёстким контролем и при обязательной сдаче в казну всей валютной выручки (собственно, это была общепринятая практика всех государств, вышедших из экономических последствий Первой мировой войны). Частный капитал желал, разумеется, полной свободы. И в условиях ослабления властей всех уровней предприниматели эту свободу получили; впрочем, воспользоваться ею не сумели [33,

Трошина Т.И.] Что касается Советского государства, то оно оказалось в особо тяжёлых условиях; к общим для всех воевавших стран проблемам добавилась экономическая блокада, всё более расширяющаяся разруха транспорта и промышленности, и в результате — разрыв торговых связей между городом и деревней.

Не останавливаясь на общеизвестных формах государственного выживания в этих обстоятельствах, обратимся к вопросу о гибкости политики Советской России, когда даже в условиях интервенции и Гражданской войны велись переговоры об экономическом сотрудничестве на условиях, безусловно выгодных Западу. От такой политики не отказывались, несмотря на то, что подобная «гибкость» возмущала общественность и увеличивала приток в ряды белой армии русских патриотов. Даже крестьяне резко реагировали на происходившее: «коммунисты ...три года воевали, да все разбили, да обобрали. А теперь с ними опять заодно — приглаша[ют] их к нам строить фабрики да заводы, а ведь говорили, что мы старое все разрушим и создадим новое, хорошее, светлое. А без капиталистов ничего не смогли сделать...», — так представлял землякам «новую экономическую политику» делегат уездного крестьянского съезда⁴.

Вместе с тем допущенные концессии, действительно, позволили решить многие вопросы момента; не только создать за счёт иностранного капитала «экспортный фонд», но обеспечить восстановление прежних торговых связей, которые государственным органам сделать было сложно, поскольку после пережитой анархии, реквизиций и насилий иностранные партнёры им не доверяли.

Что касается организации внешнеторговых операций, то в условиях ослабления государства (в 1917–1920 гг.) шла работа по региональному объединению на фундаменте общих интересов и схожих возможностей. В Европейской России «пионером» в этом отношении стал Архангельск. Местными предпринимателями высказывалась мысль (вероятно, присутствовавшая и прежде, но ставшая особенно актуальной в связи с войной и Революцией) об объединении тяготеющих к беломорским портам, обладающим большими запасами древесины губерний: Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской [34, Данишевский И.И.] Когда в 1917 г. важнейшей проблемой стала продовольственная, по инициативе архангельской общественности состоялся съезд представителей Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Пермской губерний, на котором решался вопрос о создании Северо-Восточной области. Предполагалось объединить усилия путём совместных экспортно-импортных операций для решения продовольственной задачи и создать областной экономический союз на будущее.

При обсуждении вопроса политической организации северных губерний (Союз коммун Северной области, в состав которой в конце концов вошли Петроградская, Псковская, Архангельская, Вологодская, Олонецкая и вновь образованные Северо-Двинская и Череповецкая

⁴ Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 7. Л. 67-68.

губернии), в Архангельске, исходя из своих интересов и понимания, считали, что объединиться следует также с Вятской и Пермской, «которые связаны с [ними] и укладом народной жизни. В случае неприсоединения Вятской и Пермской губерний к Северной Области, ввиду неразрывной связи пяти северных губерний, попытаться немедленно организовать» объединение «по крайней мере из Вятской, Пермской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской. Эти губернии могли бы дать Области часть необходимого ей хлеба и продуктов фабрично-заводской промышленности; они связали бы Область с Сибирью как главным поставщиком пищевых продуктов. ...Особо важно включение Вятской и Пермской губерний, так как отношения [Архангельска] с ними могут поддерживаться водным транспортом — и более дешёвым, и менее расстроенным, чем железнодорожный». При этом особо подчёркивалось, что «Северная область должна быть выделена только в хозяйственном отношении в отдельную единицу, находясь в теснейшем отношении с остальной Великороссией...»⁵.

Интервенция и Гражданская война нарушили эти планы; в последующем объединение нескольких северных губерний не могло произойти в связи с усилением централизации власти, а Архангельская губерния, оказавшись изолированной от Советской России, осуществляла собственную внешнеэкономическую деятельность под контролем представителей британских властей⁶.

После окончания интервенции и прекращения Гражданской войны архангельские предприниматели надеялись, что смогут спокойно работать, в том числе восстановив традиционные торговые связи с Норвегией, откуда сразу же после прихода в Архангельск в феврале 1920 г. красных войск на имя нового управления пришла телеграмма с предложением «завязать отношения». В связи с этим Архангельский губисполком организовал отдел внешней торговли и создал «экономическую комиссию» для «сношения с иностранными государствами», в которую вошли чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Северного фронта, губернский продовольственный комиссар, представитель местных кооперативов и председатель губернского Совнархоза⁷. В Мурманске, который формально ещё продолжал входить в состав Архангельской губернии, был создан собственный «комитет» по налаживанию внешнеторговых связей⁸. Стремясь восстановить хозяйственную жизнь края, он явочным порядком начал обменные операции с Северной Норвегией [32, Булатов В.Н., с. 125].

Пока не был создан государственный орган, ведавший в условиях объявленной монополии внешней торговлей (НКВТ), все «торговые сделки с границей» осуществлялись через Наркомат иностранных дел (НКВД). Сразу же после восстановления в Архангельске Советской власти, НКВД, учитывая «чрезвычайную важность Северной области для Советской России и необходимость выяснения возможностей товарообмена», направил туда своего уполномоченного Г.Л. Шкловского, задачей которого стала разработка плана внешней торговли через

⁵ Государственный архив Архангельской области. (Далее — ГААО) Ф. 352. Оп. 1. Д. 15. Л. 50-51

⁶ Государственный архив РФ (Далее — ГАРФ). Ф. 17. Оп. 1. Д.11. Л. 5-7, 48об.

⁷ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 4. Л. 12

⁸ ГААО. Ф. 352. Оп. 1 Д. 215. Л. 1-4

Архангельск и Мурманск. Учитывая тяжёлое продовольственное положение губернии, особое внимание обещали уделить восстановлению поморской (обменной) торговли с Северной Норвегией. Например, крестьянам северных волостей Мезенского уезда, особо страдавшим от отсутствия продовольствия, было разрешено «под свой страх и риск отправить парусник с лесом в Норвегию и закупить там рыбу, что те и сделали»⁹.

Шкловский убедился, что в Архангельске находится достаточное количество экспортного сырья (леса и лесопродуктов), на которое объявилось и немало покупателей. Загвоздка состояла в оплате; со стороны потенциальных покупателей были только «неопределённые обещания», а стране и краю нужны были импортные товары, прежде всего уголь, для чего, по мнению Шкловского, «нужно поддерживать те торговые сношения, которые существовали на Севере до восстановления Советской власти»¹⁰.

Летом 1920 г. был создан Наркомат внешней торговли (НКВТ), которому предоставлялось исключительное право руководства «всеми внешнеторговыми связями учреждений и отдельных лиц» [35, Декрет...]. Этому предшествовала объявленная западными странами Советской России торговая блокада, которая в начале 1920 г. была несколько ослаблена разрешением торговли с кооперативными объединениями. НКВТ пытался наладить работу в этих непростых политических условиях; стремясь направить торговый обмен в нужное государству русло, он стал контролировать формирование экспортного фонда и давать разрешение на закупку товаров. Пришлось нарушить централизацию внешней торговли путём создания местных организаций. По мнению руководителя внешнеторговой деятельности Советской России Л.Б. Красина, «общий экспортно-импортный план» должен был сочетаться «с потребностями окраин и с местными хозяйственными нуждами» [12, Красин Л.Б.]. Согласно постановлениям СНК и ВЦИК, местным органам НКВТ предоставлялось «право инициативы и самостоятельности в удовлетворении местных нужд без сношений с центром». Таким образом, для оперативной работы, прежде всего, по формированию на местах «экспортного фонда», НКВТ сформировал 12 «местных органов» [36, Кауфман М.Я.], в том числе Архангельский, Уральский, Сибирский. Кстати, в отличие от обсуждаемой с 1918 г. концессионной политики Советского государства Л.Б. Красин был сторонником обеспечения импортных операций «с расчётом исключительно на внутренние силы»; в частности, доставка сибирских товаров потребителю должна была осуществляться исключительно через Архангельск и при этом на собственном морском транспорте [11, Красин Л.Б., с. 19–20].

Архангельский губернский «отдел внешней торговли» был переподчинён и преобразован в местное отделение НКВТ, которое именовалось «Северное Беломорское» и распространяло «свою деятельность на Архангельскую, Северо-Двинскую, Вологодскую, Вятскую, Мурманскую, Пермскую, Екатеринбургскую, Тюменскую губернии» (как это и задумывалось

⁹ Мезенцы торгуют // Северная беднота: орган Архангельского губкома РКП. 1921. 3 окт.

¹⁰ Наша иностранная торговая политика. Беседа с секретарём Уполномоченного Наркоминотдела на Севере РСФСР тов. Г.А. Залкиндома // Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 20 апр.

когда-то местными энтузиастами). По мере расширения работ по созданию экспортного фонда, создавались «дочерние» организации, которые подчинялись местным отделам НКВТ, либо напрямую центру. К 1 ноября 1921 г. было 15 областных управлений с 42-мя отделениями, 14-тью конторами и 22-мя агентствами; от Архангельского отделения отпочковалась экспортно-импортная контора НКВТ Автономной области Коми; возникло Северо-Двинское отделение с центром в Великом Устюге. Сибвнешторг, располагавшийся в Омске, имел Иркутское отделение и «агентуру» в Бийске. В результате к 1922 г. территория, обслуживаемая Северно-Беломорским управлением, сузилась до бывших Архангельской и Вологодской губерний (учитывая выделенные из них Северо-Двинскую губернию и Автономную область Коми; Мурманская сюда уже не входила) [37, Отчёт..., с. 86]

Восстановить прежние экономические связи сразу не удалось, хотя Норвегия, к примеру, заинтересованная в сбыте продукции своих рыбных промыслов, активно стремилась к восстановлению традиционного товарооборота (вопрос этот перед своим правительством ставил норвежский парламент; Союз рыбаков Северной Норвегии напрямую обращался со своими предложениями к главе торговой делегации Л.Б. Красину). Препятствия создавало отсутствие политических и экономических отношений между государствами. Представитель НКВД в Архангельске, отвечая на вопрос: «будет ли товарообмен с Норвегией?», отмечал, что пока «правительство молчит», происходят по частной инициативе сделки в виде контрабандной торговли «отдельных иностранных промышленников с населением Печенги, Вайда-Губы и других становищ побережья». Пользуясь отсутствием охраны внутренних российских вод, «норвежские купцы могут покупать ценные продукты промыслов за безделицу»; в частности, Мурманский совет начал по своей инициативе торговлю с Норвегией, в результате «ценные наши товары уступлены чуть ли не за трубочный табак и дамские галоши...»¹¹.

Перед губисполкомом, по словам его председателя С.К. Попова, «задача готовиться к восстановлению торговых сношений с границей» стояла «с момента занятия Архангельска»¹². Для населения северной губернии начало внешней торговли означало получение работы и продовольствия. Затаив дыхание, местные жители ждали любых новостей о заключении хоть каких-то торговых отношений с границей. Уже осенью 1920 г. на лесозаводах скопились приличные объёмы экспортной древесины; надеялись, если будет получено разрешение, начать навигацию с помощью ледоколов даже зимой¹³. В состоянии готовности находились и норвежцы. Так, в сентябре 1920 г. норвежским правительством был разрешён уполномоченному ЦК РКП по золотовалютным операциям за границей М.М. Литвинову въезд в страну для урегулирования вопроса о двусторонней торговле¹⁴.

¹¹ Закс Г. Будет ли товарообмен с Норвегией? // Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 15 апр.

¹² Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 30 июня.

¹³ К началу лесного экспорта через Архангельск // Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 23 сент.

¹⁴ Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 12 сент.

Использование советской властью прежнего опыта при организации внешнеторговых операций

Одним из принципов деятельности НКВТ было «при выполнении своих задач сочетать старое с новым, коммунистическое с капиталистическим»¹⁵. В частности, в условиях разрушения прежней системы зарубежной агентуры и разрыва внешнеторговых отношений на всех уровнях, привлекались специалисты из «бывших» — представителей торгово-промышленного класса.

Архангельский губисполком ещё в 1918 г. привлекал для работы по внешнеторговым операциям местных предпринимателей. Так, крупный мурманский промышленник Е.В. Могучий был «направлен Архангельскими властями за покупкой рыбы». Он вспоминал о своём путешествии в Норвегию: чтобы не стать жертвой самосудов, процветавших тогда на дорогах, не надеясь только на удостоверение от Совдепа, «оделся во все худшее». По словам Е.В. Могучего, «до середины марта [1918 года] большевицкая власть насилия не применяла. [Председатель продовольственного комитета] Панилов велел всю закупленную рыбу сдавать в Архангельский продовольственный комитет по фиксированной цене, был установлен курс валюты для закупки рыбы в Норвегии. При такой постановке дела работать [было] можно...»¹⁶. Впрочем, сторонникам «свободной торговли» — инициативным предпринимателям тяжело приходилось не только «при большевицкой власти», но и при «белом» Временном правительстве Северной области, когда внешняя торговля осуществлялась фактически под контролем союзников (интервентов), а после их ухода был введён принудительный жёсткий курс валюты, которую экспортеры обязаны были сдавать в обмен на быстро обесценивавшиеся местные деньги («чайковки»)¹⁷.

За два года губернские дела, в том числе в отношении внешней торговли, несколько раз переходили из рук в руки, в результате чего происходило много недоразумений. В связи с национализациями 1918 г. за границей почти не осталось агентов частных предпринимателей; в «белой» Северной Области вопросами экспорта и импорта занимался Губернский союз кооперативов. В феврале 1920 г. в Архангельске восстановилась Советская власть; вернулся из эвакуации Губисполком и принялся за создание новой системы управления. «Перевороты» происходили на всех уровнях; сменилось и руководство Губсоюза. Вновь назначенный уполномоченный от кооперативов Пятигорский прибыл в Варде, потребовал у находившегося там члена правления Г.Г. Мартынова сдать дела и вернуться в Архангельск (под гарантию личной безопасности). Тот возвращаться в Архангельск отказался и дела передавать не стал, мотивируя тем, что они находятся в Лондоне. «Переговоры шли три дня, и безрезультатно». Арестовывать его Пятигорский не стал, «чтобы не создавать неприятного впечатления в Норвегии»¹⁸.

¹⁵ Внешняя торговля Советской России // Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 4 сент.

¹⁶ ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1 Д. 3. Л. 16-17

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5237 Оп. 1 Д. 122. Л. 12

¹⁸ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 129. Л. 320

В ранний период НЭПа, пока государство занималось решением глобальных проблем, относительную экономическую свободу получили не только мелкие торговцы и предприниматели, но и ведомства — центральные и региональные, которые, помимо «сверхзадачи» (создания экспортного фонда для будущей индустриализации) занимались решением в первую очередь насущных вопросов, к которым относились обеспечение населения продуктами питания, самыми необходимыми орудиями труда и другими товарами первой необходимости. Со стороны наркоматов высказывались пожелания отмены внешнеторговой монополии, что аргументировалось меньшими административными издержками и наличием у «частников» более тесных контактов с зарубежной клиентурой и личных связей [38, Хойслер Й., с. 477, 478]. Монополия отменена не была, но на местные отделения Внешторга возлагались обязанности «совершать закупки и продажи товаров для удовлетворения местных нужд» [39, Внешняя торговля...]. В феврале 1921 г. всем правопреемникам дореволюционных организаций поступило распоряжение «составить списки заказов и договоров, помещённых за границей с 1914 г. по дату национализации, по которым ещё не последовало исполнение, с указанием условий сделок, задаточных и прочих средств, подлежащих возвращению в случае неисполнения...»¹⁹.

Не обходилось и без бюрократических проволочек: при местном отделе НКВТ с сентября 1921 г. существовала достаточно громоздкая комиссия для разработки «импортного плана» и рассмотрения заявок местных учреждений на получение товаров за границей, состоящая из представителей губернских организаций: Внешторга, Профсовета, Совнархоза, Продкома и «Область-Рыбы»²⁰.

Северо-Беломорское управление в 1921 г. организовало экспорт из Архангельска товаров (в основном это была древесина, а также продукты переработки — смола, скипидар, пек) и их реализацию, преимущественно в Англии, на 5,76 млн зол. руб. Из этих денег на сумму 1,8 млн зол. руб. было закуплено продовольствие и другие товары для обеспечения потребностей работающих на экспорт предприятий. Например, союз смолокурных артелей в обмен на свою продукцию получал от Беломорского отделения НКВТ «на нужды смолокурной промышленности»²¹ продовольствие, мануфактуру, орудия труда, в том числе самые простые — косы, лопаты, топоры, а также бочки [39, Внешняя торговля..., с. 56].

Местная инициатива вылилась в Архангельске в организацию собственной «экспедиции» весной 1921 г. в Норвегию для налаживания утраченных связей. По воспоминаниям заведующего финансовым отделом Губисполкома Г.Я. Гуровича, решили «продать лес (оставшийся от бывших хозяев в немалом количестве) и купить рыбу». Делегация состояла из трёх человек — самого Гуровича, председателя отделения Внешторга А. Попова и бывшего архангельского купца М. Ульсена. «Не было ни визы, ни подходящего судна. Был катер

¹⁹ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 186. Л. 84об.

²⁰ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 186. Л.л. 249-256, 257

²¹ Северное смолокурение // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 56–58.

для ловли контрабандистов, но никто не решался идти на нём капитаном. Согласился штурман довести нас до Варде. Но дорогу, как выяснилось, не знал и плохо ориентировался в море. Довел нас уже сам Ульсен. <...> В Варде нас окружили рыбаки и начался товарообмен — за полено треска. Потом местная администрация их удалила». Членам делегации после переговоров было дано разрешение выйти на берег и начать переговоры с местными торговцами. Ситуация сложилась обоюдовыгодная, и архангелогородцы «закупили рыбу по низкой цене». (Впрочем, за такую хозяйственную инициативу председатель губисполкома оказался под судом²²). Кстати, архангельская делегация оказалась не единственной в Северной Норвегии: здесь же находились представители из Мурманска «для покупки ботов и рыболовных принадлежностей, им будто бы открыт кредит в 3 млн рублей»²³.

Тем же летом, организовав задержание нескольких норвежских зверобойных судов, занимавшихся браконьерством в русских территориальных водах, Архангельский губисполком решил взять на себя реализацию местных «излишков звериноного промысла» в Норвегии, направив туда для переговоров председателя Н.Я. Кулакова²⁴.

Все эти эксперименты убедили, что выполнить поставленные задачи без опытных специалистов невозможно. Для работы в Северном Беломорском управлении Внешторга были привлечены известные в Архангельске предприниматели, по каким-то причинам не покинувшие Россию и оставшиеся на Русском Севере. Из биографий местных представителей торгово-промышленного сословия, приведённых в книге архангельского краеведа Е.И. Овсянкина, мы узнаем, что сотрудниками «Внешторга» были М.А. Ульсен, Я.А. Беляевский (направленный представителем отделения Внешторга в Англию), Р.А. Пец, Х. Н. Манаков. Их привлекали в первую очередь для восстановления собственных контактов с зарубежными торговыми партнёрами и организации экспортной торговли. Даже когда Я.А. Беляевский и М. Ульсен были арестованы ЧК, поскольку организованная ими в 1920 г. по поручению Губисполкома доставка из Англии угля сорвалась (судно было задержано в Норвегии якобы за долги; следователь считал, что предприниматели сообщили о грузе, идущем в Архангельск, заинтересованным лицам²⁵), «руководители Внешторга регулярно ходили на свидания к Беляевскому для консультаций по проблемам заготовки продукции для экспорта» [40, Овсянкин Е.И., с. 345–353].

Вместо заключения. Крушение надежд на инновационное развитие

Казалось бы, в начальный период нэпа создались условия для реализации планов на послевоенное инновационное развитие края, которые вынашивала активная общественность Архангельской губернии в годы Первой мировой войны. Разумеется, Революция внес-

²² Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально политической истории (*Далее* — ГАО. ОДСПИ) Ф.1. Оп 1. Д. 299. Л. 30 г.

²³ ГАО. Ф. 352. Д. 215. Л. 1-4; ГАО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 121.

²⁴ ГАО. Ф. 252. Д. 186. Л.л. 256.

²⁵ ГАО. Ф. р-353 О. 1. Д. 35. Л. 17; ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 381. Л. 16.

ла не очень обнадёживающие коррективы, но всё же, после разрушения Империи, следствием чего стала потеря многих балтийских и черноморских портов, Архангельск остался в зоне самого пристального внимания правительства. Монополия на внешнюю торговлю, а также внешнеэкономические и политические санкции давали надежды на развитие новых видов промышленности на местном сырье, на создание собственного торгового флота.

Оказался задействован опыт и знания «торгово-промышленного сословия»; стало понятно, что без них не восстановить «старый мир» и не построить «новый» (разумеется, ряды их поредели; например, Данишевские эмигрировали из страны ещё в 1919 г.)

Однако общегосударственные потребности заставили акцентировать внимание исключительно на традиционных видах хозяйственной деятельности, и прежде всего на лесной промышленности, поскольку именно лесные товары были затребованы на международном рынке до такой степени, что западные торговые партнёры были готовы «закрывать глаза» на политические обстоятельства объявленных Советской России санкций.

В.И. Ленин придавал первым договорам на поставку леса в Англию особое значение, требуя принять все меры, чтобы заготовка древесины не была сорвана, и организовав строгий контроль «над учреждениями, ведающими заготовкой экспортного сырья» [41, Ленин В.И., с. 278–279]. Жителей губернии в этих обстоятельствах призывали заняться формированием экспортного фонда, в обмен на который можно будет приобретать так необходимые для восстановления народного хозяйства товары: «северяне должны сосредоточиться именно на [этом], а не на развитии других видов промышленности»²⁶; «...каждый рабочий, каждый крестьянин должны с полной ясностью понять, что каждая вывезенная за границу единица леса есть ни что иное, как лишняя сельскохозяйственное орудие, лишний фабричный станок, лишняя машина»²⁷.

Архангельская губерния (с 1937 г. — область) на многие десятилетия вынуждена была сохранять своё значение «всесоюзной лесопилки». Эпоха индустриализации привела к строительству здесь крупных промышленных предприятий («гигантов пятилеток»), однако очередной комплексный (экономический и политический) кризис показал неконкурентоспособность северной промышленности, что является достаточно важным предметом для обсуждения.

Дополнительным материалом для такого обсуждения может послужить исторический опыт поисков выхода из «ресурсной зависимости» Северного региона Европейской России.

Благодарности и финансирование

Статья написана в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ (научный проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.»)

²⁶ Архангельская губерния и внешний товарооборот // Известия Архангельского Ревкома и Губкома ВКП. 1920. 12 авг.

²⁷ Начало внешней торговли // Известия Архангельского Ревкома и Губкома В.К.П. 1920. 30 сент.

Литература

1. Пахомов А.А. Внешнеторговая и инвестиционная политика царской России в начале XX в. // Торговая политика. 2019. № 3 (19). С. 73–95. DOI: 10.17323/2499-9415-2019-3-19-73-95
2. Мореева С.Н. Несбалансированность структуры российского экспорта (с начала XX в.): история и намеченные пути преодоления // Теоретическая и прикладная экономика. 2019. № 1. С. 20–40. DOI: 10.25136/2409-8647.2019.1.20811
3. Данишевский И.И. Народное хозяйство нашего Севера. Наша внешняя торговля с Норвегией. О нашем товарообороте с Италией. Архангельск, 1919. 25 с.
4. Трошина Т.И. «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 87–101.
5. Гаевский П. Лесные концессии и колонизация на Севере. Петроград, 1923. 24 с.
6. Экономическое положение нашего Севера, его внешняя торговля в связи с переживаемыми событиями. Лесные промыслы, техническая и химическая обработка дерева на Севере и специальное лесотехническое образование на Севере. Доклад Северо-Восточному областному съезду 23 дек. 1917 г., читанный на Съезде лесоводов Архангельской губернии 15 августа 1917 г. / И.И. Данишевский. Архангельск: Губернская типография, 1918. 26 с.
7. Отечественный торговый флот и лесная промышленность: К вопросу № 6 программы Всероссийского Съезда представителей лесной промышленности и торговли (7–9 августа 1916 г.) / И.И. Данишевский. Петроград: Паровая типография «Победа», 1916. 25 с.
8. Рогачев И.В., Силин А.В. Американские неправительственные организации и политика США на европейском севере России, 1914–1919 гг. // Вестник Нижегородского университета. 2019. № 3. С. 50–58.
9. Киселев А.А. О концессионной политике Советского государства в лесной промышленности Европейского Севера // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. Москва, 1974. С. 112–116.
10. Санников Л.И. Разработка В.И. Лениным советской концессионной политики и деятельность Коммунистической партии по её осуществлению (на примере лесных концессий на Европейском Севере СССР). Архангельск, 1983. 145 с.
11. Красин Л.Б. Внешторг и внешняя экономическая политика советского государства. Петроград, 1921. 47 с.
12. Красин Л. Б. Пределы оперативной работы внешторгов. Москва: РИО НКВТ, 1924. 32 с.
13. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. Москва: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.
14. Трошина Т.И. «За Единую и Неделимую»: усилия государственных и общественных институтов Северной Области по противодействию территориальному раздроблению и экономической зависимости Архангельской губернии // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в перв. четв. XX века: историч. опыт и современность. Архангельск: САФУ, 2015. С. 229–244.
15. Борисова И.Д. Внешнеторговые связи Советского государства с центральными республиками Азии в 1920–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1993.
16. Горешин С.Г. Региональные аспекты внешнеэкономической политики России: история и современность. Москва, 1998. 301 с.
17. Дьяченко Н.В. Сибирь в системе советско-монгольских торгово-экономических отношений в 1917–1939 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
18. Кабалкин Ю.М. Внешняя торговля потребительской кооперации. Москва, 1926. 95 с.
19. Швиттау Г.Г. Русская кооперация на международном рынке. Берлин, 1920. 231 с.
20. Бородина Е.В. Роль внешнеторговой деятельности потребительской кооперации России в период экономической блокады (1917–1922): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1998.
21. Валитов А.А., Дмитрищак Т.М. Возрождение торговой деятельности Западной Сибири в годы нэпа // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 49–56.
22. Комаров С.Ю. Историография внешнеторговых связей Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Кузбасского гос. технич. университета. 2011. № 3 (84). С. 121–125.

23. Тимошенко В.П. Исторический опыт мирохозяйственных связей Урала, 1917-1941 гг.: дис. ... доктора ист. наук / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 1998.
24. Lih L.T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley: University of California Press, 1990. 303 p.
25. Дэй Р.Б. Лев Троцкий и политика экономической изоляции / пер. с англ. А. В. Белых. Москва: Дело, 2013. 469 с.
26. Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968. 379 p.
27. Heywood A. Soviet Economic Concessions Policy and Industrial Development in the 1920s: The Case of the Moscow Railway Repair Factory // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 3. Pp. 549–569.
28. Исторические связи Русского Севера и Норвегии: сб. статей. Архангельск, 1989. 183 с.
29. Карелин В.А., Репневский А.В. Соседи на Крайнем Севере: Исторические связи России и Норвегии // *Альманах североευропейских и балтийских исследований*. 2018. № 3. С. 544–556. DOI: 10.15393/j103.art.2018.1071
30. Международные отношения на Севере Европы и Баренц-регион: история и историография: сб. статей. Мурманск: МГПУ, 2008. 236 с.
31. Порцель А.К. Российско-норвежская морская торговля на Мурмане (первая четверть XX века): монография. Мурманск, 2013. 103 с.
32. Булатов В.Н. Из истории установления советско-норвежских внешнеторговых связей (1918–1924 гг.) // *Исторические связи Русского Севера и Норвегии: сб. статей*. Архангельск, 1989. С. 123–132.
33. Трошина Т.И. Утраченный шанс: национальная буржуазия в период Первой мировой войны (на материалах Европейского Севера России) // *Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918*. Москва: ИРИ РАН, 2014. С. 428–433.
34. Данишевский И.И. Экономическая перспектива в связи с железнодорожным строительством на Севере // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1917. № 3–4. С. 100–111.
35. Декрет Совнаркома от 11 июня 1920 «Об организации внешней торговли и товарообмена РСФСР» // *Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства*. 1917. № 17. С. 50.
36. Кауфман М.Я. Организация экспортной торговли СССР // *Энциклопедия советского экспорта*. Т. I. Изд. 2-ое. Берлин, 1928. С. 21–36.
37. Отчёт Архангельского губернского экономического совета Совнаркому и Совету Труда и Оборонны (за период с 1 апр. по 1 окт. 1922 г.) Архангельск, 1923.
38. Хойслер Й. Леонид Красин и «монополия внешней торговли» // *Экономическая история: ежегодник*. 2014. Т. 2013. С. 471–482.
39. Внешняя торговля РСФСР (с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г.). Отчёт к IX Всероссийскому Съезду Советов. М., 1921. 107 с.
40. Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. 524с.
41. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. репр. изд. 1970 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. Т. 51. Письма Июль 1919 – ноябрь 1920. 587 с.

References

1. Pakhomov A.A. Vneshnetorgovaya i investitsionnaya politika tsarskoy Rossii v nachale XX v. [Foreign Trade and Investment Policy of Tsarist Russia in the Early Twentieth Century]. *Torgovaya politika* [Trade Policy], 2019, no. 3 (19), pp. 73–95. DOI: 10.17323/2499-9415-2019-3-19-73-95
2. Moreeva S.N. Nesbalansirovannost' struktury rossiyskogo eksporta (s nachala XX v.): istoriya i namechennye puti preodoleniya [Imbalance in the Structure of Russian Export: History (Since the Early XX Century) and Ways of Solving It]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika* [Theoretical and Applied Economics], 2019, no. 1, pp. 20–40. DOI: 10.25136/2409-8647.2019.1.20811
3. Danishevskiy I.I. *Narodnoe hozyaystvo nashego Severa. Nasha vneshnyaya trgovlya s Norvegiyey. O nashem tovarooborote s Italiyey* [National Economy of Our North. Our Foreign Trade with Norway. About Our Trade Turnover with Italy]. Arkhangelsk, 1919, 25 p. (In Russ.)
4. Troshina T.I. «Krest'yanstvo rubit les dlya sebya v shirokikh razmerah, bez vsyakh razresheniy, net sredstv prekratit' samovol'nye porubki». Severnaya derevnya v 1917 g. [“Peasants Cut Down Trees Wholesale for Their Own Use, without License, and There's No Way of Putting a Stop to This Unau-

- thorized Felling": Northern Village in 1917]. *Vestnik arkhivista* [Herald of archivist], 2017, no. 2, pp. 87–101.
5. Gaevskiy P. *Lesnye kontsessii i kolonizatsiya na Severe* [Forest Concessions and Colonization in the North]. Petrograd, 1923, 24 p. (In Russ.)
 6. Danishevskiy I.I. *Ekonomicheskoe polozhenie nashego Severa, ego vneshnyaya trgovlya v svyazi s perezhivaemyimi sobyitiyami. Lesnye promysly, tekhnicheskaya i khimicheskaya obrabotka dereva na Severe i spetsial'noe lesotekhnicheskoe obrazovanie na Severe. Doklad Severo-Vostochnomu oblastnomu s'ezdu 23 dek. 1917 g., chitannyi na S'ezde lesovodov Arkhangel'skoy gubernii 15 avgusta 1917 g.* [The Economic Situation of Our North, Its Foreign Trade in Connection with the Events Experienced. Forestry, Technical and Chemical Processing of Wood in the North and Special Forestry Education in the North. Report to the North-Eastern Regional Congress on 23 December 1917]. Arkhangel'sk, Gubernskaya tipografiya, 1918. 26 p.
 7. Danishevskiy I.I. *Otechestvennyy torgovyy flot i lesnaya promyshlennost': K voprosu № 6 programmy Vserossiyskogo S'ezda predstaviteley lesnoy promyshlennosti i trgovli (7–9 avgusta 1916 g.)* [Domestic Merchant Fleet and Timber Industry: on Issue No. 6 of the Program of the All-Russian Congress of Representatives of the Timber Industry and Trade (August 7-9, 1916)]. Petrograd, Pobeda steam printing house, 1916, 25 p. (In Russ.)
 8. Rogachev I.V., Silin A.V. *Amerikanskije nepravitel'stvennyye organizatsii i politika SShA na evropeyskom severe Rossii, 1914–1919 gg.* [American Non-Government Organizations and U.S. Policy in the European North of Russia, 1914–1919]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* [The Bulletin of Nizhny Novgorod University], 2019, no. 3, pp. 50–58.
 9. Kiselev A.A. *O kontsessionnoy politike Sovetskogo gosudarstva v lesnoy promyshlennosti Evropeyskogo Severa* [About Concession Policy of the Soviet State in Wood Industry of European North]. *Novaya ekonomicheskaya politika. Voprosy teorii i istorii.* [New economic policy. Theoretical and historical questions]. Moscow, 1974, pp. 112–116.
 10. Sannikov L.I. *Razrabotka V.I. Leninyim sovetskoy kontsessionnoy politiki i deyatelnost' Kommunisticheskoy partii po eyo osushchestvleniyu (na primere lesnykh kontsessiy na Evropeyskom Severe SSSR)* [Development of Soviet Concession Policy by V.I. Lenin and Activities of the Communist Party in its implementation (the Case of Forest Concessions in the European North of the USSR)]. Arkhangel'sk, 1983, 145 p. (In Russ.)
 11. Krasin L.B. *Vneshtorg i vneshnyaya ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva* [Vneshtorg and Foreign Economic Policy of the Soviet State]. Petrograd, 1921, 47 p. (In Russ.)
 12. Krasin L. B. *Predely operativnoy raboty vneshnortgov* [Limits of operational Work of Commissariat for Foreign Trade]. Moscow, RIO NKVT, 1924, 32 p. (In Russ.)
 13. Katasonov V.Ju. *Ekonomika Stalina* [Economics of Stalin]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2014, 416 p. (In Russ.)
 14. Troshina T.I. «*Za Edinuyu i Nedelimuyu*»: usiliya gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov Severnoy Oblasti po protivodeystviyu territorial'nomu razdrobлению i ekonomicheskoy zavisimosti Arkhangel'skoy gubernii [“For the Unified and the Weekly”: Efforts of the State and Public Institutions of the Northern Province to Counteract the Territorial Fragmentation and Economic Dependence of the Arkhangel'sk Province]. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Evropeyskom Severe i v Arktike v perv. chetv. XX veka: istorich. opyt i sovremennost'* [International Relations in the European North and in the Arctic in the First Quarter of the 20th Century: Historical Experience and Modernity]. Arkhangel'sk, 2015, pp. 229–244.
 15. Borisova I.D. *Vneshnetorgovye svyazi Sovetskogo gosudarstva s tsestral'nymi respublikami Azii v 1920–1928 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign Trade Relations of the Soviet State with the Central Asian Republics in 1920-1928. Cand. Sci. Hist. Diss.]. Moscow, 1993.
 16. Goreshin S.G. *Regional'nye aspekty vneshneekonomicheskoy politiki Rossii: istoriya i sovremennost'* [Regional Aspects of Russian Foreign Economic Policy: History and Modernity]. Moscow, 1993, 301 p. (In Russ.)
 17. Dyachenko N.V. *Sibir' v sisteme sovetsko-mongol'skikh torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy v 1917–1939 gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [Siberia in the System of the Soviet-Mongolian Trade and Economic Relations in 1917-1939. Cand. Sci. Hist. Diss.]. Barnaul, 2005.

18. Kabalkin Ju.M. *Vneshnyaya trgovlya potrebitel'skoy kooperatsii* [Foreign Trade of Consumer Cooperation]. Moscow, 1926, 95 p. (In Russ.)
19. Shvittau G.G. *Russkaya kooperatsiya na mezhdunarodnom rynke* [Russian Cooperation in the International Market]. Berlin, 1920, 231 p. (In Russ.)
20. Borodina E.V. Rol' vneshnetorgovoy deyatel'nosti potrebitel'skoy kooperatsii Rossii v period ekonomicheskoy blokady (1917–1922): dis. ... kand. ist. nauk [The Role of Foreign Trade Activity of Russian Consumer Cooperation During the Economic Blockade (1917–1922). Cand. Sci. Hist. Diss]. Moscow, 1998.
21. Valitov A.A., Dmitrishchak T.M. Vozrozhdenie torgovoy deyatel'nosti Zapadnoy Sibiri v gody nepa [Revival of West Siberia Trade Activity in the NEP Years]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 16 (154), pp. 49–56.
22. Komarov S.Ju. Istoriofografiya vneshnetorgovykh svyazey Sibiri v pervoy polovine 1920-h gg. [Historiography of the Siberian Foreign Trade Affairs in the First Half of 1920th Years]. *Vestnik Kuzbasskogo gos. texnich. universiteta* [Vestnik of Kuzbass State Technical University], 2011, no. 3 (84), 121–125.
23. Timoshenko V.P. Istoricheskiy opyt mirokhozayastvennykh svyazey Urala, 1917–1941 gg.: dis.... doktora ist. nauk [Historical Experience of the Urals World Economic Relations, 1917–1941. Doc. Sci. Hist. Diss]. Ekaterinburg, 1998.
24. Lih L.T. *Bread and Authority in Russia, 1914–1921*. Berkeley, University of California Press, 1990, 303 p.
25. Day R. *Lev Trotskiy i politika ekonomicheskoy izolyatsii* [Lev Trotsky and Policy of Economic Isolation]. Moscow, Delo, 2013, 469 p. (In Russ.)
26. Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930*. Stanford, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1968, 379 p.
27. Heywood A. Soviet Economic Concessions Policy and Industrial Development in the 1920s: The case of the Moscow Railway Repair Factory. *Europe-Asia Studies*, 2000, vol. 52, no. 3, pp. 549–569.
28. Istoricheskie svyazi Russkogo Severa i Norvegii: sb. statey [Historical Communications of Russian North and Norway: a Collection of Articles]. Arkhangelsk, 1989, 183 p. (In Russ.)
29. Karelin V.A., Repnevskiy A.V. Sosedni na Kraynem Severe: Istoricheskie svyazi Rossii i Norvegii [Neighbors in the Far North: Historical Relations between Russia and Norway]. *Al'manakh severoevropetskikh i baltiyskikh issledovaniy* [Almanac of North European and Baltic Studies], 2018, no. 3, pp. 544–556.
30. Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy i Barents-region: istoriya i istoriografiya: sb. Statey [International Relations in the North of Europe and the Barents Region: History and Historiography: a Collection of Articles]. Murmansk, MGPU Publ., 2008, 236 p. (In Russ.)
31. Porcel' A.K. Rossiysko-norvezhskaya morskaya trgovlya na Murmane (pervaya chetvert' XX veka) [Russian-Norwegian Sea Trade in Murmansk (First Quarter of the 20th Century)]. Murmansk, 2013, 103 p. (In Russ.)
32. Bulatov V.N. Iz istorii ustanovleniya sovetsko-norvezhskikh vneshnetorgovykh svyazey (1918–1924 gg.) [From History of Establishment of the Soviet-Norwegian Foreign Trade Communications (1918–1924)]. *Istoricheskie svyazi Russkogo Severa i Norvegii* [Historical Communications of Russian North and Norway: a Collection of Articles]. Arkhangelsk, 1989, pp. 123–132.
33. Troshina T.I. Utrachenny shans: natsional'naya burzhuaziya v period Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Evropeyskogo Severa Rossii) [Lost Chance: National Bourgeoisie During the First World War (on Materials of European North of Russia)]. *Rossiya v gody` Pervoy mirovoy voyny, 1914–1918* [Russia During the First World War, 1914–1918]. Moscow, IRI RAN, 2014, pp. 428–433.
34. Danishevskiy I.I. Ekonomicheskaya perspektiva v svyazi s zheleznodorozhnym stroitel'stvom na Severe [Economic Prospect in Connection with the Railway Construction in the North]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa* [News of Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North], 1917, no. 3–4, pp. 100–111.
35. Dekret Sovnarkoma ot 11 iyunya 1920 «Ob organizatsii vneshney trgovli i tovaroobmena RSFSR» [Decree of the Council of People's Commissars of June 11, 1920 “On the Organization of Foreign Trade and Trade Exchange of the RSFSR”]. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva* [Newspaper of the Provisional Workers 'and Peasants' Government], 1917, no. 17, p. 50.

36. Kaufman M.Ja. Organizatsiya eksportnoy trgovli SSSR [Organization of the USSR Export Trade]. *Entsiklopediya sovetskogo eksporta* [Encyclopedia of Soviet Export]. Berlin, 1928, vol. 1, pp. 21–36.
37. Otchet Arkhangel'skogo gubernskogo ekonomicheskogo soveta Sovnarkomu i Sovetu Truda i Oborony (za period s 1 apr. po 1 okt. 1922 g.) [Report of the Arkhangel'sk Provincial Economic Council to the Soviet and Labor and Defense Council (1 April - 1 October, 1922)]. Arkhangel'sk, 1923.
38. Heusler J. Leonid Krasin i «monopoliya vneshney trgovli» [Leonid Krasin and “Monopoly of Foreign Trade”]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History: Yearbook], 2014, vol. 2013, pp. 471–482.
39. Vneshnyaya trgovlya RSFSR (s dekabrya 1920 g. po dekabr' 1921 g.). Otchet k IX Vserossiyskomu S'ezdu Sovetov [Foreign Trade of the Russian Soviet Federal Socialist Republic (from December 1920 to December 1921). Report to the 9th All-Russian Congress of Soviets]. Moscow, 1921. 107 p.
40. Ovsyankin E.I. *Arkhangel'sk kupecheskiy* [Merchant Arkhangel'sk]. Arkhangel'sk, 2000, 524 p. (In Russ.)
41. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. Berlin, Direkt-Media, 2016, vol. 51, 587 p. (In Russ.)

Статья принята 14.06.2020.